

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-1-120-156

А.М. Понамарева*

ЕВРОИНТЕГРАЦИЯ КАК ТРИГГЕР СЕРБСКОГО ЭТНОСЕПАРАТИЗМА В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук»
117997, Москва, Нахимовский проспект, 51/21*

В представленной статье проводится ретроспективный анализ политики Европейского союза в отношении Боснии и Герцеговины (БиГ) и ее последствий с точки зрения продвижения страны к обретению позитивного суверенитета в условиях возрастания геополитической конкуренции на территории Западных Балкан. На основе обобщения широкого массива отечественной и зарубежной литературы, посвященной распаду Югославии, дейтонской Боснии, возможностям построения демократии в многосоставных обществах и политике ЕС на Балканах, а также анализа официальных документов, принятых различными институтами ЕС, автор оценивает вероятность сохранения БиГ в существующих административно-территориальных границах. В работе рассматриваются итоги боснийской войны, результаты апробации модели внешнего управления в применении к республике, прослеживаются эволюция политики ЕС в отношении БиГ и динамика продвижения страны на пути евроинтеграции. В контексте принципиального отказа ЕС от «авансового» предоставления статуса государства — члена Евросоюза странам, не соответствующим Копенгагенским критериям, выводы о перспективах вступления БиГ в ЕС формулируются на основе анализа последнего доклада Европейской комиссии (октябрь 2020 г.). Следуя логике структуры доклада, автор сравнивает уровень

* *Понамарева Анастасия Михайловна* — кандидат социологических наук, руководитель отдела проблем европейской безопасности Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН (e-mail: amp1982@mail.ru).

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00662.

выполнения БиГ ряда ключевых требований, установленных представителями ЕС, включая: создание стабильной политической системы, развитие институтов гражданского общества, реформирование судебной системы, борьбу с коррупцией и организованной преступностью, реализацию прав и свобод человека, управление миграцией, укрепление экономики и регионального сотрудничества. Утверждается, что через весь доклад Еврокомиссии о степени близости БиГ к вступлению в ЕС красной нитью проводится мысль о меньшей поддержке данного проекта Республикой Сербской и неустрашимости чинимых ею препятствий в условиях сохранения дейтонской структуры государственного управления. Таким образом, оказывая давление на сербскую общину БиГ, Евросоюз актуализирует сценарий распада страны за счет мобилизации защитного национализма сербской общины, что сопрягается с характерной уже для всего евроатлантического сообщества ориентацией на ревизию Дейтонских соглашений.

Ключевые слова: Босния и Герцеговина, Республика Сербская, Федерация Боснии и Герцеговины, Европейский союз, НАТО, Балканы, евроинтеграция, позитивный суверенитет, сербский национализм, Югославия.

По прошествии 30 лет после распада Югославии словосочетание «балканский ящик Пандоры» не утратило своей актуальности, причем в качестве «Пандоры» зачастую выступают внешние игроки, способствующие перерастанию естественного для столь неоднородного региона противопоставления этнических групп в ожесточенное противостояние.

Своего рода страховкой, защищающей от подобных экспериментов извне, могло бы стать обретение каждой из республик бывшей Югославии позитивного суверенитета, предполагающего в числе прочего общность наследия прошлого и ожиданий на будущее [Marshall, 1965], преодоление обусловленных межэтническим размежеванием центробежных тенденций и формирование гражданской нации. В терминах американского политолога Роберта Джексона, которого исследование процесса деколонизации стран «третьего мира» подтолкнуло к идее о необходимости разграничения «позитивного» и «негативного» типов суверенитета, лишь в первом случае государства располагают возможностями, позволяющими их правительствам «быть хозяевами самим себе» [Jackson, 1990: 27]. Иными словами, таких формально-правовых условий, как «свобода от внешнего вмешательства» и международное признание сложившихся границ, недостаточно, чтобы говорить о наличии у страны

позитивного суверенитета. Последний носит относительный, а не абсолютный характер, и корреспондирует с уровнем субъектности государства в мировой политике.

Однако документы, определяющие формат взаимодействия участников конфликтов 1990-х годов, разрабатывались не ими самими, а международными посредниками, и воплотить в жизнь предложенные модели урегулирования можно было лишь при условии постоянного внешнего военно-политического вмешательства [Пономарева, 2012: 73]. Жесткий контроль со стороны НАТО и ЕС стал решением проблемы в первые годы независимости отдельных республик бывшей Югославии, но в долгосрочной перспективе он негативно сказался на темпах обретения постконфликтными обществами собственной гражданской идентичности и международной политической субъектности.

Сегодня, в условиях фактического возобновления «холодной войны» между Россией и Соединенными Штатами, традиционно соперничавшими за влияние на Балканах, и активизации политики Европейского союза в регионе конфликты, переведенные в латентную фазу, рискуют разгореться вновь. Вероятность воплощения такого сценария развития событий существенно увеличивает проецирование на малые государства Балкан, являющиеся в геостратегическом плане «мягким подбрюшьем» Европейского союза, мощных угроз нестабильности, прежде всего из зоны сирийско-иракского конфликта.

Оценка степени устойчивости новых независимых государств постъюгославского пространства требует не только знания линий потенциального социокультурного размежевания, но также понимания, присутствует ли среди конституирующих этнических общин республик согласие в отношении выбора дальнейшего вектора внешнеполитического развития. Не менее важным представляется анализ политики внешних игроков в отношении стран региона и тех институциональных механизмов, с помощью которых они втягивают страны Западных Балкан в сферу своего влияния.

С учетом объективных ограничений, связанных с допустимым объемом журнальной статьи, рассмотрим эту проблему на примере Боснии и Герцеговины (БиГ), государства трех народов — православных сербов, хорватов-католиков, мусульман-бошняков (босняков), — превращенного в конце XX в. в своеобразный полигон для апробации модели внешнего управления. Начиная с 1990-х годов Европейский союз последовательно задействовал все доступные механизмы влияния на БиГ: миротворчество, оказание экономической помощи, взятие на себя ведущей роли в постконфликтном урегули-

ровании, подключение страны к европейскому интеграционному проекту [Karidžić, 2011]. Так что основной фокус внимания в данной статье будет направлен на оценку современной политики Брюсселя в отношении БиГ и ее влияния на продвижение страны к обретению позитивного суверенитета в условиях возрастания геополитической конкуренции на территории Западных Балкан.

Европейское измерение геополитической борьбы в БиГ

Факт очередного превращения БиГ в регион геополитического напряжения отлично иллюстрирует скандальная ситуация, имевшая место в декабре 2020 г. в ходе рабочего визита министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова в Сараево. Встреча Сергея Викторовича с Милорадом Додиком, сербским членом Президиума БиГ, премьер-министром БиГ Зораном Тегелтией, а также высокопоставленными представителями Республики Сербской (РС), во время которой прозвучали тезисы о недопустимости ревизии Дейтонских соглашений и отказе РС от интеграции в НАТО¹, вызвала возмущение двух других представителей Президиума — бошняка Шефика Джаферовича и хорвата Желько Комшича. В итоге в нарушение протокола они отменили собственную встречу с российским министром^{2,3}.

Сербы, составляющие треть населения БиГ, воспринимаются представителями двух других государствообразующих народов не в качестве союзников в построении гражданской нации, а в качестве

¹ Вступление Боснии и Герцеговины в НАТО на стадии обсуждения с 2010 г. По состоянию на 2020 г. НАТО официально признаёт три страны, стремящиеся стать членами военно-политического блока: Боснию и Герцеговину, Грузию и Украину. Босния и Герцеговина, в отличие от других стран, имеет План действий по членству.

² Борисов А. Боснийский раскол: сербы просят поддержки у России, бошняки — у США и НАТО // Российская газета. 15.12.2020. Доступ: <https://rg.ru/2020/12/15/bosnijskij-raskol-serby-prosijat-podderzhki-u-rossii-boshniaki-u-ssha-i-nato.html> (дата обращения: 20.12.2020).

³ Стоит отметить, что этим эпизодом список дипломатических казусов, сопровождавших визит С.В. Лаврова, не исчерпывается. М. Додик преподнес главе российского внешнеполитического ведомства православную икону, якобы «найденную в Луганске», возраст которой, как сообщалось, составлял 300 лет. И сразу же посольство Украины в Сараево направило ноту в МИД страны с требованием объяснить происхождение «объекта культурного наследия Украины». В прямом и переносном смысле — «от греха подальше» — МИД РФ передало в посольство Боснии и Герцеговины в Москве искомый артефакт, порекомендовав партнерам задействовать доступные правовые механизмы для выяснения всех обстоятельств данной сомнительной истории. См. подробнее: Россия вернула подаренную Лаврову икону // Lenta.ru. 25.12.2020. Доступ: <https://lenta.ru/news/2020/12/23/ikona/> (дата обращения: 25.12.2020).

побежденных в гражданской войне. С 2014 г., начала деградации отношений Запада с Россией, против РС как «троянского коня Москвы на Балканах» ведется информационная кампания.

Показательно, что консультации с руководством РС по вопросу координации евроинтеграционных процессов были проведены лишь после принятия Советом министров БиГ соответствующего проекта, и отношение к поданной 15 февраля 2016 г. заявке на вступление в Евросоюз у трех государствообразующих народов страны не совпадало.

Несмотря на огромный массив отечественной и зарубежной литературы, посвященной распаду Югославии, дейтонской Боснии, возможностям построения демократии в многосоставных обществах⁴ и политике ЕС на Балканах⁵, опубликованные в октябре 2020 г. до-

⁴ См., в частности: [Гуськова, 2001; Мартынова, 1998; Никифоров, 1999; Пономарева, 2007; Пономарева, 2010; Kaplan, 1993; Welcome to the desert of post-socialism, 2015; Gutman, 1993; Hansen, 2006; Donia, Fine, 1994; Chandler, 2000; Rief, 1996; Pejanović, 2007].

⁵ В отечественной историографии роль Европейского союза в урегулировании югославского кризиса затрагивал В.К. Волков, резко осудивший действия Брюсселя как связанные с нарушением норм права и способствовавшие размыванию послевоенной системы международных отношений [Волков, 2002]. С менее критичных позиций политику Евросоюза в отношении управления конфликтами на территории бывшей Югославии рассматривала Л.В. Тягуненко [Тягуненко, 2001]. О различиях американской и европейской моделей миротворчества писал В.С. Глушко, заявлявший, что «долгосрочным следствием воздействия Дейтонского процесса <...> является хотя и постепенное, но вполне осознанное восприятие Европой американской схемы упрощенного силового решения, отход от собственных принципов миротворчества, деформация европейской формулы урегулирования и самоидентичности Европейской системы безопасности» [Глушко, 2016: 190]. В процитированной статье развивались идеи, заложенные в кандидатской диссертации В.С. Глушко на тему «Политика Европейского союза в отношении югославского кризиса (1991–1995)», в которой автор соотнес европейскую концепцию миротворчества с сознательным отказом от силовых методов подавления конфликта или принуждения к миру в пользу демократических и гуманитарных аспектов урегулирования [Глушко, 2002]. Эволюция антикризисного подхода ЕС от поддержки целостности СФРЮ до признания ее распада была подвергнута детальному рассмотрению в кандидатской диссертации А.В. Березина [Березин, 2009]. Подробный анализ разработки и реализации интеграционной стратегии Запада в отношении балканских стран в период с 1989 по 2007 г. представлен в кандидатской диссертации Ю.А. Буланниковой [Буланникова, 2011]. Специфику взаимодействия Боснии и Герцеговины с Брюсселем в контексте расширения ЕС на Балканы изучали С.В. Кондратьев и Г.А. Нелаева [Кондратьев, Нелаева, 2015]. В коллективной монографии ИМЭМО РАН 2016 г., посвященной новым вызовам и перспективам развития европейской интеграции, отдельная глава была отдана Западным Балканам [Европейский союз на перепутье, 2016: 212–228]. Анализ роли наиболее влиятельных международных акторов в Западнобалканском регионе

клад Европейской комиссии о прогрессе БиГ на пути к евроинтеграции и доклад Высокого представителя в БиГ дают новую почву для размышлений о судьбе этой республики в условиях усиления геополитической борьбы на Балканах и перспективах сохранения ею своей территории.

Итоги боснийской войны.

Механизмы и «успехи» внешнего управления

Число погибших (свыше 100 тыс. человек) и беженцев (свыше 2,2 млн) в ходе конфликта 1992–1995 гг. на территории БиГ позволяет называть его одной из наиболее масштабных гуманитарных катастроф в послевоенной Европе. По данным Архивного центра БиГ (НКО, существующей с 2004 г. и спонсируемой ЕС, США, а также отдельными странами Северной Европы), большую часть жертв составили бошняки (65 тыс.), вторую по численности группу пострадавших — сербы (24,9 тыс.), замыкают этот скорбный список хорваты (7,7 тыс.)⁶.

Здесь же была проведена операция НАТО «Обдуманная сила» (Deliberate Force, 30 августа — 14 сентября 1995 г.), целью которой стали командные и контрольные объекты боснийских сербов и склады боеприпасов. Это была первая в истории альянса наземная операция за пределами формальной зоны его ответственности. Проиллюстрировать значимость данной операции для «натовцев» позволяет обращение к официальному журналу Организации Севе-

в контексте его евроинтеграции содержится в монографии Е.Г. Энтиной [Энтина, 2016]. В рамках зарубежного общественнонаучного обсуждения проблему вмешательства ЕС в конфликты на постъюгославском пространстве рассматривали С. Вудворд [Woodward, 1995] и К. Беннет [Bennet, 1995], пришедшие к выводу, что политика Брюсселя только способствовала эскалации военного противостояния. Сквозь призму Общей внешней политики и политики безопасности ЕС антикризисные усилия Евросоюза по урегулированию конфликтов на Западных Балканах оценивают А. и Д. Спенс [Spence A., Spence D., 1998], К. Смит [Smith, 1996]. Применительно к боснийскому кейсу стоит отметить статью М. Баскина «Между выходом и вовлечением: о разделении полномочий в администрациях переходного периода», в которой были показаны «узкие места» применения модели внешнего управления в БиГ [Baskin, 2004]. Заслуживают упоминания также работы Д. Чендлера, в частности статья «Демократизация в Боснии: пределы стратегий построения гражданского общества», в которой автор утверждает, что усиление автономии и самоуправления с большей вероятностью будет способствовать активному гражданскому развитию страны, чем инициативы международных неправительственных организаций [Chandler, 1998].

⁶ Исследователи назвали число жертв войны в Боснии // Корреспондент.net. 03.02.2012. Доступ: <https://korrespondent.net/world/1315265-issledovateli-nazvali-chislo-zhertv-vojny-v-bosnii> (дата обращения: 20.12.2020).

роатлантического договора. Первое десятилетие со дня проведения Deliberate Force было отмечено публикацией в «Вестнике НАТО» статьи эксперта Университета Восточного Иллинойса Райана Хендриксона с симптоматичным названием «Переходя Рубикон». И хотя любой размещенный в «Вестнике» материал сопровождается дисклеймером «не обязательно отражает официальную позицию НАТО или политику стран-членов», сравнение «Обдуманной силы» с решением Цезаря, обозначившим его готовность стать единовластным правителем Рима, было призвано подчеркнуть, что точка в дискуссиях о допустимости расширения границ сферы ответственности альянса *уже* поставлена. Deliberate Force «открыла новую эру для НАТО, заложив основу для гораздо более широкого круга миссий, не предусмотренных статьей 5 [Вашингтонского договора. — *А.П.*], в которых сегодня задействован Североатлантический альянс, и расширив сферу ответственности НАТО далеко за пределы одного лишь поддержания коллективной обороны» [Hendrickson, 2005].

Эта воздушная кампания НАТО, ставшая первым открытым применением силы со стороны альянса в пределах постсоциалистического пространства, ликвидировала военное превосходство сербов и подорвала основы их переговорных позиций.

За две с половиной недели США и их союзники сбросили на позиции сербов около тысячи авиабомб, также было отмечено ограниченное применение крылатых ракет морского базирования «Томагавк». Заболевания населения, ставшие следствием применения американскими военными боеприпасов с конечниками из обедненного урана в ходе военных действий в БиГ, привели к появлению термина «балканский синдром»⁷.

Как справедливо отмечают Е.Г. Пономарева и М. Младенович, в каких бы формах ни проявлялся «внешний фактор» в конфликтах на территории бывшей СФРЮ, неизменной оставалась поддержка Западом лишь одной из сторон конфликта и ни разу — сербской. Вмешательство как иностранных государств, так и наднациональных структур происходило на силовой стадии конфликтов, причем внешние игроки поддерживали проигрывавших в открытом вооруженном противостоянии [Младенович, Пономарева, 2012].

⁷ Топ-10 самых жестоких операций авиации США против мирного населения // Федеральное агентство новостей. 07.08.2020. Доступ: <https://riafan.ru/1299925-top-10-samykh-zhestokikh-operacii-aviacii-ssha-protiv-mirnogo-naseleniya> (дата обращения: 20.12.2020).

Показательно, что в числе подписантов Дейтонских соглашений 1995 г., закрепивших международный протекторат над БиГ, не было лидеров боснийских сербов и боснийских хорватов. Их позицию представляли Белград и Загреб в лице президентов Слободана Милошевича и Франьо Туджмана соответственно. Ставшая частью Дейтонских договоренностей Конституция БиГ, зафиксировавшая конфедеративное устройство нового государства в форме объединения двух энтитетов — мусульmano-хорватской Федерации Боснии и Герцеговины (ФБиГ, 51%) и Республики Сербской (РС, 49%), — не проходила никакой демократической процедуры согласования и не выносилась на всенародное голосование.

С обезоруживающей откровенностью факт перераспределения суверенных полномочий БиГ в пользу международных структур прокомментировал первый Высокий представитель по БиГ (1995–1997) Карл Бильдт: «Никто не посчитал разумным передать Конституцию на парламентское или иное аналогичное рассмотрение. Это должна была быть Конституция, утвержденная директивой международного сообщества» [Bildt, 1998: 139].

Хорошей иллюстрацией франкенштейновской логики нациестроительства в БиГ служит ситуация вокруг округа Брчко на севере страны, который подконтрольная Западу арбитражная комиссия по Посавинскому коридору сохранила в качестве де-факто третьего субъекта федерации, наделив его статусом автономии. Если до 1999 г. коридор Брчко связывал две части РС, то после изменения статуса округа он разделяет сербов. В то время как непрерывность территории РС была сознательно нарушена, ФБиГ приобрела возможность прямого (не через Хорватию, как это было ранее) доступа к своим северным анклавам.

В приложении 1А («Соглашение о военных аспектах мирного урегулирования») «Общего рамочного соглашения о мире в Боснии и Герцеговине» закреплялось положение о вводе на территорию страны многонациональных вооруженных сил под командованием НАТО с предоставлением полномочий от ООН⁸. Надо отметить, что Россия, выступавшая гарантом Дейтонских договоренностей (наряду с Великобританией, Германией, Францией и США), подписала

⁸ Agreement on the Military Aspects of the Peace Settlement / The General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina // Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE). Available at: <https://www.osce.org/files/f/documents/e/0/126173.pdf> (accessed: 25.12.2020).

соглашение с оговоркой «за исключением Приложения 1», выразив тем самым несогласие с расширением миссии НАТО.

В соответствии с резолюцией 1031 Совета Безопасности (СБ) ООН от 15 декабря 1995 г. в БиГ были незамедлительно введены Имплементационные силы (Implementation Force, IFOR)⁹ международной миротворческой миссии НАТО. Функция ООН свелась к одобрению действий альянса. Основные усилия миротворцев в рамках IFOR ожидаемо сконцентрировались на силовых аспектах обеспечения безопасности, в частности на разделении и сдерживании враждующих сторон.

Спустя год IFOR согласно резолюции 1088 СБ ООН¹⁰ были преобразованы в Силы стабилизации в БиГ (Stabilisation Force, SFOR). На этом этапе миротворцы уже перешли к решению задач с элементами полицейского контроля и помощи развитию государственных институтов. Но важно подчеркнуть, что в соответствии с Дейтонскими соглашениями SFOR имели мандат ст. VII Устава ООН, предусматривающий возможность применения военной силы. Параллельно в рамках программы «Партнерство ради мира» (Partnership for Peace, PfP) НАТО содействовала осуществлению военной реформы в БиГ, которая предполагала трансформацию трех функционировавших еще до 2002 г. различных военных формирований сербов, хорватов и боснийских мусульман в единую профессиональную армию.

Таким образом, начальный этап образования федеративной (а по сути — конфедеративной) государственности БиГ и создание ее сил безопасности осуществлялись под прикрытием и при разноплановой технической поддержке IFOR/SFOR.

В тот же период ЕС осуществлял активную подготовку своей первой операции в рамках реализации Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО), а именно — Полицейской миссии в БиГ, которая начала свою работу 1 января 2003 г.

В 2004 г. полномочия по поддержанию стабильности в стране были формально переданы от структур НАТО к ЕС: на смену SFOR пришла военная операция ЕС «Алтея» (EUFOR Althea)¹¹. Она предполагала миссию, развернутую в зоне конфликта, где вероятность

⁹ S/RES/1031 (1995) // United Nations Security Council (UNSC). Available at: [https://undocs.org/ru/S/RES/1031\(1995\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1031(1995)) (accessed: 25.12.2020).

¹⁰ S/RES/1088 (1996) // UNSC. Available at: [https://undocs.org/ru/S/RES/1088\(1996\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1088(1996)) (accessed: 25.12.2020).

¹¹ Решение Совета Европейского союза от 12 июля 2004 г. № 2004/551/ОВПБ «О создании Европейского оборонного агентства». Доступ: <https://base.garant.ru/2565742/> (дата обращения: 25.12.2020).

боевых действий была резко снижена по сравнению с периодом существования IFOR/SFOR, соответственно сохранившийся военный компонент был меньше (примерно впятеро), неизменным оставалось лишь число штабов. В отличие от миссии SFOR, в структуру «Алтеи» была изначально заложена полицейская составляющая, и сама операция стала частью интегрированного подхода и комплексной политики Евросоюза на Балканах. Таким образом, истинной конечной целью миссии было обеспечение условий вхождения БиГ в ЕС [Тузовская, 2020: 87–88].

Уход НАТО в тень был обусловлен не столько прорывными результатами альянса в БиГ, сколько сменой приоритетов американской внешней политики в пользу большей активности в регионе Ближнего Востока¹². Кроме того, передача командования силами стран Запада, ответственными за поддержание мира в БиГ, от НАТО к ЕС стала частью реализации формулы «Берлин плюс» (2002) по разграничению ответственности между Брюсселем и альянсом. Европейские государства — члены евроатлантических институтов выразили готовность нести большую удельную нагрузку в урегулировании проблем безопасности на «своем» континенте. Соглашения «Берлин плюс» позволяли ЕС задействовать в своих миротворческих операциях военную инфраструктуру альянса, и операция «Алтея» проводилась в координации с НАТО и опорой на ее ресурсы. Однако в силу того, что они работали на основе договоренностей ad hoc, сторонам требовалось прийти к общему видению ситуации относительно распределения полномочий.

Стамбульский саммит НАТО 2004 г. подтвердил значение Дейтонских договоренностей как основы процесса мирной стабилизации в БиГ. Признав приоритет политической роли ЕС, альянс выразил готовность и дальше действовать по мандату Дейтона. В соответствующей резолюции 1575 СБ ООН от 22 ноября 2004 г. было зафиксировано, что и операция Евросоюза, и «продолжающееся присутствие» НАТО рассматриваются в качестве «легальных преемников Сил стабилизации в Боснии», но ключевая роль в реализации военных аспектов Дейтонских соглашений отводится ЕС¹³.

¹² После терактов 11 сентября США и их союзники по НАТО инициировали военную операцию против движения «Талибан», а в марте 2003 г. под предлогом борьбы с распространением химического и биологического оружия коалиция под руководством США без санкции Совета Безопасности ООН вторглась в Ирак, сместив руководство страны.

¹³ S/RES/1575 (2004) // UNSC. Available at: [https://undocs.org/en/S/RES/1575\(2004\)](https://undocs.org/en/S/RES/1575(2004)) (accessed: 25.12.2020).

Миссию Брюсселя можно условно разделить на три этапа: 2004–2007 гг. — создание централизованной армии и полиции, а также проведение реформы полиции в координации с Полицейской миссией ЕС в БиГ; 2007–2010 гг. — сокращение контингента и сотрудничество с Международным трибуналом по бывшей Югославии (МТБЮ) в поимке подозреваемых в совершении преступлений против человечности и геноцида; с 2010 г. по н.в. — контроль за развитием ситуации в стране, поддержка реформы сектора безопасности и содействие подготовке управленческих кадров [Лазович, 2018].

2000-е годы оказались для ЕС довольно плодотворными в плане обеспечения основы последующей интеграции БиГ в Евросоюз. При этом в ходе осуществления операции «Алтея» взаимозависимость НАТО и ЕС углубилась. Немаловажен тот факт, что череда балканских конфликтов и специфика их урегулирования выявили кризис миротворчества ООН.

Следует отметить, что «европеизация» миротворческой операции была по-разному оценена в обеих частях конфедерации. Опросы показывали, что если жители РС были склонны считать любое зло меньшим, чем вмешательство США, то хорваты и мусульмане ФБиГ, напротив, испытывали благодарность к американцам, воспринимая их в качестве тех, кто реально остановил войну¹⁴.

В той политической системе, что была создана Дейтонскими соглашениями, принципиальные расхождения крупнейших этнических общин в представлениях о дальнейшем направлении развития государства и желаемых партнерах на этом пути становятся миной замедленного действия, способной разрушить хрупкое национальное единство [Dorita, 2020].

Руководство страной осуществляют представители трех основных национальностей: серб, хорват и босниец-мусульманин. Один из них является руководителем Президиума, однако решения принимаются коллегиально. Орган законодательной власти, Скупщина, состоит из Палаты народов и Палаты представителей. Треть депутатов избираются от РС, две трети — от ФБиГ.

В отношении парламента действует право «вето народа»: если большинство депутатов от одной из трех этнических групп голосят против той или иной инициативы, она отклоняется, несмотря на позицию депутатов от двух других народов.

¹⁴ Hawton N. EU troops prepare for Bosnia swap // BBC. 23.10.2004. Available at: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/3944191.stm> (accessed: 25.12.2020).

Каждый из двух энтитетов обладает собственными полномочиями во внешнеполитической сфере, содержит свою армию, имеет собственное конституционное устройство. Вся эта система работает под наблюдением Высокого представителя (ВП) по Боснии и Герцеговине.

Полномочия ВП были расширены в 1997–1998 гг. на Боннско-Петерсбергском и Мадридском заседаниях Совета по выполнению Мирного соглашения (Peace Implementation Council). ВП получил право: выносить временные решения, обязательные для исполнения всеми органами власти, если стороны в БиГ не придут к соглашению; снимать с должности любое должностное лицо в энтитетах, составляющих БиГ; запрещать любому лицу участие в выборах и занятие любой выборной или назначаемой общественной должности, равно как и должности в политических партиях.

Надо отметить, что ВП неоднократно злоупотребляли всеми перечисленными правами, не неся за это никакой ответственности, в том числе потому, что согласно приложению 10 Дейтонских договоренностей, статье V они являются высшей инстанцией в толковании гражданских аспектов имплементации предусмотренного соглашениями мирного урегулирования¹⁵.

В 2007 г. Совет по выполнению Мирного соглашения обозначил намерение прекратить действие мандата ВП по прошествии года, однако вместо этого мандат был продлен на неопределенный срок — до момента достижения ряда контрольных показателей. В список условий, по итогам выполнения которых БиГ могла бы частично освободиться от международного протектората (помимо самых общих, таких как разрешение вопросов государственной собственности и оборонного имущества, укрепление верховенства права, достижение финансовой устойчивости), вошли вполне конкретные: выполнение окончательного арбитражного решения по округу Брчко и подписание Соглашения о стабилизации и ассоциации между ЕС и БиГ.

К настоящему времени, про прошествии более 25 лет с момента подписания Дейтонских соглашений, вопрос о целесообразности сохранения института ВП в стране, где установлен мир и поддерживается стабильность, остается дискуссионным. Фактически после появления у ВП «боннских полномочий» эта фигура приобрела по-

¹⁵ Agreement on Civilian Implementation / The General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina // OSCE. Available at: <https://www.osce.org/files/f/documents/e/0/126173.pdf> (accessed: 25.12.2020).

тенциал взлома Дейтонских договоренностей, обеспечивающих учет интересов двух энтитетов и трех народов. С учетом расхождения позиций политических элит ФБиГ и РС по вопросу членства БиГ в ЕС и НАТО и возрастания внимания последних к балканскому пространству уже сегодня мы наблюдаем попытки ревизии Дейтона в направлении унитаризации страны и сосредоточения политических ресурсов у более лояльной Западу боснийской администрации Сараева.

Направления политики ЕС на Балканах

Постепенно политика ЕС на Балканах приобретала всё более нюансированный характер, предполагающий учет страновой специфики. С середины 1990-х годов от восприятия Западных Балкан как внешнего фактора нестабильности еврочиновники перешли к разработке конкретных проектов интеграции республик бывшей Югославии. Во многом осознание своей несамодостаточности, зависимости от НАТО в области военного урегулирования конфликтов в этом регионе способствовало эволюции Общей внешней политики и политики безопасности ЕС.

После завершения фазы вооруженного противостояния в боснийском конфликте ЕС развернул ряд программ для стабилизации обстановки в регионе. 13 декабря 1995 г. по инициативе Франции в рамках Парижской мирной конференции по боснийскому урегулированию за день до подписания президентами Боснии, Сербии и Хорватии парафированного в конце ноября 1995 г. в Дейтоне рамочного соглашения был запущен так называемый Руаймонский процесс, или «Процесс стабильности и добрососедства в Юго-Восточной Европе»¹⁶. Его участниками стали все республики бывшей Югославии, соседние страны (Албания, Венгрия, Болгария, Румыния, Турция), государства — члены ЕС, Россия и США. В процесс были включены Европейская комиссия, Европейский парламент, ОБСЕ и Совет Европы. Вопреки первоначальным опасениям Вашингтона инициатива Парижа не размывала результаты Дейтонских соглашений, а была ориентирована на создание максимально подходящих условий для их имплементации, содействие улучшению или постепенному восстановлению диалога и доверия, предотвращению напряженности и кризисов, примирению, региональному сотрудни-

¹⁶ Declaration on the process of stability and good neighbourliness. Royaumont. 13.12.1995. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:31998E0633&from=IT> (accessed: 25.12.2020).

честву, экономическому восстановлению и добрососедству. При этом экономическое измерение Руаймонского процесса не акцентировалось участниками, в частности, не звучало предложений о развитии каких-либо инфраструктурных проектов в его рамках. Скорее он разрабатывался как политический проект, который в симбиозе с региональным подходом ЕС и иными региональными инициативами будет способствовать нормализации межгосударственных отношений и поддержке гражданского общества в постконфликтном регионе [Ehrhart, 1999: 332]. В ноябре 1998 г. Руаймонский процесс стал частью механизма Общей внешней политики и политики безопасности ЕС [Буланникова, 2010: 312].

30 октября 1995 г. Совет ЕС утвердил документ, содержащий набор руководящих указаний по организации взаимодействия со сторонами конфликта в бывшей Югославии и непосредственно между ними. В документе обозначалось, что долгосрочные отношения Евросоюза со странами региона должны «принимать форму соглашений в рамках регионального подхода»¹⁷. Этот подход, который предусматривал внедрение определенных мер, призванных обеспечить успешную реализацию Дейтонских соглашений, лег в основу последующих оценок и заявлений, включая «Общие принципы будущих договорных отношений с некоторыми странами Юго-Восточной Европы», принятые Еврокомиссией в 1996 г. [Constitutional change in the EU..., 2000: 64–65]¹⁸. В 1997 г. Совет ЕС сформулировал политические и экономические условия развития отношений Евросоюза и западнобалканских государств: создание стабильных институтов, гарантирующих демократию; соблюдение прав человека и защита национальных меньшинств; расширение регионального сотрудничества, а также проведение рыночных реформ¹⁹. Со своей стороны ЕС брал на себя обязательство предоставить государствам региона торговые преференции и финансовую помощь по линии программы PHARE²⁰.

¹⁷ Council conclusions on guidelines for former Yugoslavia // Bulletin of the European Union. 1995. No. 10. P. 138. Available at: file:///C:/Users/acer/Downloads/gp_eudor_PDFA1B_CMAA95010ENC_001.pdf.en%20(1).pdf (accessed: 25.12.2020).

¹⁸ Commission Communication on common principles for future contractual relations with certain countries in South-Eastern Europe, 2 October 1996 COM (96) 476 final.

¹⁹ Council conclusions on the principle of conditionality governing the development of the European Union's relations with certain countries of south-east Europe // Bulletin of the European Union. 1997. No. 4. P. 132–134. Available at: file:///C:/Users/acer/Downloads/gp_eudor_PDFA1B_CMAA97004ENC_001.pdf.en%20(1).pdf (accessed: 25.12.2020).

²⁰ Программа PHARE — один из трех инструментов подготовки к вступлению в Евросоюз, финансируемых ЕС, для помощи странам-кандидатам из Центральной и

Льготы во взаимной торговле Евросоюз предоставил БиГ в 1997 г., а в 1998 г. в стране была принята общегосударственная Декларация об особых отношениях с ЕС. Уже в следующем году Парламентская ассамблея БиГ провозгласила вхождение в ЕС приоритетной внешнеполитической задачей [Кандель, 2011: 77].

В июне 1999 г. были запущены Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы (ПСЮВЕ)²¹ и Процесс стабилизации и ассоциации (ПСА). В ст. 2 Хартии добрососедских отношений, стабильности, безопасности и сотрудничества в Юго-Восточной Европе указывалось: «Мы стремимся к созданию такой Юго-Восточной Европы, будущее которой связано с миром, демократией, экономическим процветанием и полной интеграцией в европейские и евроатлантические структуры, и чтобы добиться этого, мы обязуемся продолжать демократические и экономические реформы в наших странах»²².

Новеллой ПСА стало внедрение механизма соглашений о стабилизации и ассоциации (ССА) со страной, претендующей на членство в Евросоюзе. ССА предусматривали приведение национального законодательства в соответствие с законодательством ЕС, создание зоны свободной торговли с ЕС, взаимодействие с Евросоюзом в ряде областей, а также развитие регионального сотрудничества.

Спустя год ЕС выпустил первую дорожную карту, где обозначались 18 условий, от выполнения которых зависело начало переговоров о ССА с БиГ²³. Затем последовал саммит ЕС в Загребе, где

Восточной Европы. Была основана в 1989 г., ее первоначальная цель — предоставление финансовой поддержки Польше и Венгрии в период экономического перехода. Аббревиатура изначального названия этой программы — «Poland, Hungary Aid for the Reconstruction of the Economy» («Помощь на восстановление экономики Польши и Венгрии»), PHARE — и стала названием данного финансового инструмента Европейского союза.

²¹ Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы / Пер. с англ. Доступ: <file:///C:/Users/acer/Downloads/pakt-stabilnosti-dlya-yugo-vostochnoy-evropy.pdf> (дата обращения: 25.12.2020).

²² Хартия добрососедских отношений, стабильности, безопасности и сотрудничества в Юго-Восточной Европе. Бухарест, 12 февраля 2000 г. // ООН. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/see_charter.shtml (дата обращения: 25.12.2020). В 2008 г. в рамках ПСЮВЕ был сформирован Совет регионального сотрудничества. Учрежденный на встрече министров иностранных дел стран — участниц ПСЮВЕ в Софии, Совет работает под политическим руководством ПСЮВЕ, а также выполняет функции Координационного центра по сотрудничеству в Юго-Восточной Европе.

²³ EU Road Map. Steps to be taken by Bosnia and Herzegovina to Prepare for a Launch of a Feasibility Study. 2000 // European Stability Initiative. Available at: <https://www.esiweb.org/pdf/bridges/bosnia/EURoadMap.pdf> (accessed: 25.12.2020).

вновь был озвучен тезис о важности регионального сотрудничества как ключевого условия евроинтеграции стран региона. В итоге БиГ последней из суверенных государств бывшей Югославии присоединилась к процессу ПСА. К 2003 г. Еврокомиссия признала успешным прохождение дорожной карты, но обозначила 16 областей приоритетных реформ, необходимых для начала переговоров о ССА с БиГ²⁴.

На июньском саммите ЕС в Салониках (2003) БиГ была признана потенциальным кандидатом на полноправное членство в объединении. В 2004 г. ЕС учредил Европейское партнерство для БиГ. Переговоры о ССА стартовали в 2005 г. и завершились в 2008 г. подписанием соглашения. В 2006 г. БиГ присоединилась к Договору об учреждении Энергетического сообщества (2005)²⁵.

В 2007 г. ЕС ввел единое рамочное положение о финансировании — Инструмент помощи по приобщению, или IPA (Instrument for Pre-accession Assistance)²⁶, призванный заменить такие действовавшие в период с 2000 по 2006 г. механизмы, как PHARE, ISPA, SAPARD и CARDS²⁷. Особенность IPA — предоставление помощи не только странам-кандидатам, но и потенциальным кандидатам (БиГ и Косово). Общий объем средств, полученных БиГ по программе IPA в период с 2014 по 2020 г., составил 530 млн евро. С использованием IPA БиГ участвует в следующих программах: Horizon 2020, Creative Europe, Fiscalis 2020, Customs 2020, Europe for Citizens, Erasmus+, третья Программа действий Союза в сфере охраны здоровья (2014–2020), программа COSME²⁸.

²⁴ Report from the Commission to the Council on the preparedness of Bosnia and Herzegovina to negotiate a Stabilisation and Association Agreement with the European Union /*COM/2003/0692 final*/ // European Commission. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52003DC0692&from=NL> (accessed: 25.12.2020).

²⁵ The Energy Community Treaty. Available at: <https://www.energy-community.org/legal/treaty.html> (accessed: 25.12.2020).

²⁶ Europe / EEAS / EU Delegations / Bosnia and Herzegovina. Available at: https://europa.ba/?page_id=496 (accessed: 25.12.2020).

²⁷ Программа ISPA (Instrument for Structural Policies for Pre-Accession) по созданию инфраструктуры в сфере окружающей среды и транспорта; программа SAPARD (Special Accession Programme for Agricultural and Rural Development) по проведению структурных мероприятий в сфере сельского хозяйства; программа Сообщества содействия реконструкции, развитию и стабилизации (CARDS — Community Assistance for Reconstruction, Development and Stability).

²⁸ Horizon 2020 («Горизонт 2020») — крупнейшая в истории ЕС программа по исследованиям и инновациям с бюджетом около 80 млрд евро, рассчитанная на семь лет (2014–2020); Creative Europe («Креативная Европа») — программа ЕС, направленная на поддержку культурного, креативного и аудиовизуального секто-

В 2008 г. Евросоюз разработал политику либерализации визовых режимов, и в результате в 2009–2010 гг. были упразднены визовые требования в отношении пяти западнобалканских стран, в том числе БиГ.

Соглашение о стабилизации и ассоциации между ЕС и БиГ, подписанное 16 июня 2008 г. в Люксембурге, вступило в силу только 1 июня 2015 г.²⁹ На протяжении всего этого времени стороны поддерживали регулярный политический и экономический диалог на уровне совместных органов, предусмотренных соглашением, за исключением Парламентского комитета по вопросам ассоциации, которому еще предстоит утвердить процедурные правила своей деятельности.

Одним из основных препятствий на пути реализации ССА стало упрощенное разделение боснийского общества по этническому признаку. Показательно в данном плане «дело Сейдича и Финци против Боснии и Герцеговины»³⁰, когда Европейский суд по правам человека признал нарушением ст. 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и ст. 1 Протокола № 12 к ней невозможность выдвинуть свою кандидатуру на выборах в парламент и Президиум БиГ лицам, не заявившим о принадлежности к одной из титульных этнических групп (сербы, хорваты или бошняки). Заявителям — гражданам БиГ Дерво Сейдичу и Якобу Финци, обладавшим опытом

ров; *Fiscalis 2020* — программа ЕС, нацеленная на укрепление внутреннего рынка посредством эффективного налогообложения, призвана способствовать улучшению работы налоговой системы посредством интенсификации сотрудничества между странами-участницами, их налоговыми органами, должностными лицами и сторонними экспертами; *Customs 2020* («Таможня 2020») — программа сотрудничества ЕС, позволяющая национальным таможенным администрациям совместно разрабатывать и эксплуатировать основные трансъевропейские ИТ-системы, а также создавать сети, объединяя национальных официальных лиц со всей Европы; *Europe for Citizens* («Европа для граждан»; ранее — «Граждане для Европы») — программа ЕС, призванная помочь преодолеть разрыв между гражданами и Евросоюзом; *Erasmus+* — программа ЕС, направленная на поддержку сотрудничества в области высшего образования, профессионального обучения, поддержки молодежи и спорта; *COSME* (*Competiveness of Small and Medium Enterprises*) — европейская программа поддержки малого и среднего бизнеса (2014–2020).

²⁹ Council and commission decision of 16 June 2008 on the signing on behalf of the European Community of the Stabilisation and Association Agreement between the European Communities and their Member States, of the one part, and Bosnia and Herzegovina, of the other part // *Official Journal of the European Union*. 2015. № 164/1.

³⁰ [GC] nos. 27996/06 and 34836/06, 22.12.2009 // *European Court of Human Rights*. Available at: <file:///C:/Users/USER/AppData/Local/Temp/001-96491.pdf> (accessed: 25.12.2020).

политической работы, сопоставимым с высшими должностными лицами страны, но имеющим цыганское и еврейское происхождение, было запрещено участвовать в президентских выборах, поскольку они не идентифицировали себя ни с одной из обозначенных в Дейтонских соглашениях общин.

В феврале 2016 г. БиГ официально подала заявку на вступление в ЕС, и в сентябре 2016 г. Европейский союз эту заявку принял, призвав Сараево продолжать усилия по реформированию страны.

Необходимо отметить, что после присоединения Хорватии к ЕС (2013) процесс расширения Евросоюза был поставлен на паузу: практике предоставления членства в объединении «авансом» пришел конец. Однако, несмотря на объявленный Еврокомиссией мораторий на расширение ЕС до 2019 г., в 2014 г. в Берлине прошла инициированная правительством Германии конференция по Западным Балканам, призванная содействовать продвижению процесса вступления стран региона в Европейский союз. В августе 2015 г. конференция была продолжена в Вене и приобрела характер ежегодных встреч. С учетом направленности настоящего исследования особого внимания заслуживает прозвучавшее на конференции 2015 г. заявление министров иностранных дел Германии и Великобритании Франка-Вальтера Штайнмайера и Филипа Хэммонда, предложивших целый пакет реформ для БиГ. Министры признали, что усилия стран ЕС по развитию БиГ не увенчались успехом, поэтому ключом, открывающим двери для членства страны в Евросоюзе должен стать отказ от этнического принципа формирования органов власти [Европейский союз на перепутье, 2016: 83].

В феврале 2018 г. Еврокомиссия представила новую стратегию в отношении Западных Балкан³¹, предусматривавшую присоединение к ЕС с 2025 г. (но не раньше) шести балканских стран: Сербии, Черногории, Македонии, Албании, БиГ и Косова. Европейское издание американской газеты Politico охарактеризовало стратегию как проявление «жесткой любви»³². Признаком «любви» можно считать содержащееся в документе указание на включенность региона в

³¹ A credible enlargement perspective for and enhanced EU engagement with the Western Balkans. Strasbourg, 06.02.2018. COM (2018) 65 final // European Commission. Available at: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/communication-credible-enlargement-perspective-western-balkans_en.pdf (accessed: 25.12.2020).

³² Brussels' new Balkan strategy: Tough love // Politico. 06.02.2018. Available at: <https://www.politico.eu/article/europe-balkan-membership-new-strategy-tough-love/> (accessed: 25.12.2020).

европейский социокультурный ландшафт, за «жесткость» отвечали выдвинутые в нем же условия присоединения к Евросоюзу. Дорожная карта, представленная в «Надежной перспективе расширения и активизации взаимодействия ЕС с Западными Балканами», включала: обеспечение верховенства закона, усиление кооперации в области безопасности и контроля над миграцией, поддержку экономического развития, расширение энергетической кооперации, переход к цифровой экономике, а также поддержание добрососедских отношений.

В стратегии было прописано, что после проведения обозначенных реформ и полного урегулирования отношений с соседями Сербия и Черногория могут быть готовы к членству в ЕС в 2025 г. Подчеркивалась возможность устойчивого прогресса Косова посредством реализации ССА и продвижения по европейскому пути. Перед БиГ вырисовывалась туманная перспектива стать кандидатом на вступление при постоянных усилиях.

По результатам проведенного Regional Cooperation Council соцопроса в 2018 г. большая часть населения БиГ достаточно скептически оценивала шансы страны на вхождение в состав ЕС: 14% респондентов заявили, что они не знают, когда это случится, и 33% с уверенностью констатировали — «никогда»³³.

Интуиция народные массы не подвела. В мае 2019 г. Еврокомиссия обнародовала доклад по вопросам расширения, в котором переговоры о вступлении БиГ в Евросоюз были названы преждевременными. В докладе отмечалось, что государство не достигло необходимой степени выполнения Копенгагенских критериев, в частности, в сфере поддержания «стабильности институтов»³⁴.

Мы выбираем, нас выбирают. Как это часто не совпадает!

В октябре 2020 г. Европейская комиссия представила новый доклад, в котором был рассмотрен порядок выполнения БиГ ключевых приоритетов с учетом следующих шагов страны на пути к ЕС. Вывод мало чем отличался от предыдущего: работа по наращиванию потенциала, необходимого для выполнения обязанностей, связанных

³³ Данные приводятся по: Brussels' new Balkan strategy: Tough love // Politico. 06.02.2018. Available at: <https://www.politico.eu/article/europe-balkan-membership-new-strategy-tough-love/> (accessed: 25.12.2020).

³⁴ Commission Opinion on Bosnia and Herzegovina's application for membership of the European Union. Brussels. 29.05.2019. SWD(2019) 222 final // European Commission. Available at: <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/20190529-bosnia-and-herzegovina-analytical-report.pdf> (accessed: 25.12.2020).

с членством в Европейском союзе, еще не завершена, а в большинстве основных областей реформ достигнут лишь ограниченный прогресс³⁵.

В отношении *политических* критериев обозначалось: на протяжении большей части отчетного периода работа Парламентской ассамблеи БиГ была фактически заблокирована, что привело к отставанию в реализации необходимых законодательных реформ. Являющаяся частью Дейтонских соглашений Конституция БиГ, признающая права на определение официальной политики государства только за представителями сербской, хорватской и бошнякской общин, по-прежнему входит в противоречие с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, а бесплодный диалог Сараева с Брюсселем по «делу Сейдича и Финци» и аналогичным процессам тормозит евроинтеграцию БиГ. Не наблюдается прогресса в трансформации избирательной системы под европейские стандарты и обеспечении прозрачности финансирования политических партий.

В качестве значимого позитивного результата упоминалось только достижение двумя ведущими боснийскими и хорватскими партиями страны — Партией демократических действий (ПДД) и Хорватским демократическим союзом (ХДС) — согласия относительно проведения выборов в Мостаре и реформирования городского устава, а также в отношении принципов внесения поправок в Закон Боснии и Герцеговины о выборах³⁶. Применительно к территории ФБиГ суть разногласий по поводу механизма формирования правительства сводилась к ответу на вопрос, может ли любой избиратель голосовать за любого кандидата независимо от его этнической принадлежности. ПДД с учетом численного преобладания бошняков над хорватами на территории БиГ как раз и настаивала на такой, более выгодной бошнякам гражданской, а не этнической концепции волеизъявления³⁷. Соглашение о принципах внесения поправок в

³⁵ Bosnia and Herzegovina 2020 Report. Brussels. 06.10.2020. SWD (2020) 350 final // European Commission. Available at: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/bosnia_and_herzegovina_report_2020.pdf (accessed: 25.12.2020).

³⁶ Мостар — город, где по разные стороны реки Неретвы живут представители двух общин, хорватской и боснийской, — не проводил выборы более 10 лет из-за политических разногласий между двумя из трех основных этнических партий страны по поводу их организации, после того как Конституционный суд объявил некоторые части Закона о выборах для Мостара неконституционными.

³⁷ Очередная встреча лидеров боснийской и хорватской партий завершилась ничем // ИА Красная Весна. 17.09.2020. Доступ: <https://rossaprimavera.ru/news/a361b26a> (дата обращения: 25.12.2020).

Закон о выборах предусматривало, что ПДД и ХДС в течение шести месяцев согласуют необходимые изменения и обеспечат их принятие в Парламентской ассамблее до конца 2021 г. В отчете Еврокомиссии также отмечались осуществляемые БиГ подготовка к учреждению Парламентского комитета по стабилизации и ассоциации и разработка национальной программы по принятию законодательства ЕС³⁸.

Авторы доклада пришли к выводу, что в БиГ пока не сформировалась благоприятная среда для *развития гражданского общества*. Применительно к этому пункту они подчеркнули необходимость приведения в соответствие с европейскими стандартами законодательства о свободе мирных собраний, особенно в части, касающейся их регламентации и ответственности организаторов.

Для иллюстрации провала диалога власти с обществом была приведена история движения «Справедливость для Давида», развернувшегося в РС в 2018 г. Массовые протесты, парадоксальным образом объединившие сербов и мусульман против администрации РС, начались с одиночных пикетов 49-летнего официанта Давора Драгичевича, требовавшего установить истинные обстоятельства гибели своего сына Давида. Двадцатилетний юноша исчез и был найден мертвым в Баня-Луке. Множество синяков и ссадин на теле погибшего свидетельствовали о насильственном характере смерти, однако дело Давида было отдано не криминальной полиции, а подразделению по борьбе с организованной преступностью. Там быстро превратили жертву преступления в жертву собственных же пороков, предложив версию, согласно которой парень, находившийся в состоянии наркотического или алкогольного опьянения и при этом успевший принять участие в драке и краже со взломом, в завершение этого адского загула просто утонул. Отец настоял на проведении независимого токсикологического скрининга в Белграде, и поспешные заключения первых судмедэкспертов были опровергнуты: следов наркотиков или алкоголя в организме юноши найдено не было. Драгичевич-старший, воевавший на стороне сербской армии в годы боснийской войны, утверждал, что за смертью его сына стоят высокопоставленные чиновники МВД РС. Именно с этим он связывал попытки правоохранителей объяснить загадочную смерть случайностью.

³⁸ Bosnia and Herzegovina 2020 Report. Brussels. 06.10.2020. SWD (2020) 350 final. P. 8 // European Commission. Available at: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/bosnia_and_herzegovina_report_2020.pdf (accessed: 25.12.2020).

Медлительность и некомпетентность полиции, неспособность администрации к ведению эффективной публичной дипломатии взрастили оппозицию. За десять месяцев публичного обсуждения качества работы следственных органов отдельные протестные акции трансформировались в многотысячное протестное движение, из-за которого в декабре 2018 г. в РС даже отменили новогодние уличные концерты и празднования. Показательно, что изначальный лозунг — «Справедливость для Давида» — довольно быстро оброс требованиями изменить систему правосудия и уничтожить коррупцию в стране.

Движение поколебало позиции администрации края, которую многие годы возглавляет пророссийски настроенный политик Милорад Додик, выступающий против ревизии Дейтона в направлении унитаризации БиГ, за нейтральный статус страны и ее невхождение в НАТО. И хотя М. Додику удалось удержать политическое лидерство в РС по итогам выборов в октябре 2018 г., своего первого пика общественные протесты достигли именно накануне голосования. Тогда в центре Баня-Луки собрались около 40 тыс. человек, что выглядит довольно впечатляющим для города с населением около 200 тыс. человек³⁹. С учетом того, что пересмотр Дейтонских соглашений вписывается в современную стратегию Евросоюза в отношении БиГ, упоминание об этом эпизоде в докладе Еврокомиссии при перечислении обстоятельств, препятствующих евроинтеграции страны, представляется симптоматичным⁴⁰.

Не менее симптоматичен тот факт, что вторым кейсом, заслужившим внимание авторов отчета, стал гей-прайд, впервые прошедший в Сараево в 2019 г. Комиссия выразила недовольство тем, что организаторы данного мероприятия столкнулись с гипертрофированными требованиями со стороны властей в плане обеспечения безопасности. Между тем составителям отчета стоило бы вспомнить проводившиеся в 2008 и 2014 гг. в Сараево гей-фестивали, когда участников приходилось защищать от нападений со стороны радикальных исламистов, и тот факт, что более 80% населения города составляют му-

³⁹ «Он сказал вслух то, что мы боялись». Отец, требующий расследовать смерть сына, поднял крупнейшие протесты в Боснии // NV.ua. 10.01.2019. Доступ: <https://nv.ua/world/countries/on-skazal-vsluh-to-chto-my-boyalis-otec-trebuyushchiy-rassledovat-smert-syna-podnyal-krupneyshie-protesty-v-bosnii-50001181.html> (дата обращения: 25.12.2020).

⁴⁰ Bosnia and Herzegovina 2020 Report. Brussels. 06.10.2020. SWD (2020) 350 final. P. 11.

сульмане. БиГ запрещает дискриминацию по признаку сексуальной ориентации, но не признает однополые отношения официально⁴¹.

Авторы аналитического доклада сочли, что БиГ находится лишь на начальном этапе реформирования *системы государственного управления*, и констатировали отсутствие значимых подвижек в вопросах деполитизации государственной службы и формирования единого общенационального подхода к разработке политики.

В области *реформирования судебной системы* в направлении обеспечения транспарентности, подотчетности, обеспечения верховенства закона и доверия граждан к соответствующим институтам страна также не достигла значимых результатов. Те незначительные меры, что были приняты, встретили жесткое сопротивление внутри самой системы.

Столь же невысоко эксперты оценили результаты *борьбы с коррупцией и организованной преступностью*. Было отмечено, что коррупция пронизывает все уровни администрации, полиция уязвима перед политическим давлением, а финансовые расследования недостаточно эффективны. Не работает национальный контактный пункт по взаимодействию с Европолем. Не налажено сотрудничество с другим правоохранительным органом ЕС — Евроюстом. Требуется продолжить наращивать свой потенциал в области противодействия терроризму и незаконному обороту наркотиков.

Что же касается *реализации прав и свобод человека*, то законодательная и институциональная база в основном сформирована. В качестве значимого шага в направлении приобщения к европейским ценностям Еврокомиссия рассматривает отмену Конституционным судом положения о смертной казни в Конституции РС и проведение гей-парада в Сараеве в 2019 г. При этом авторы документа акцентировали внимание на том, что сохраняются проблемы со свободой собраний, «особенно в энтитете Республика Сербская». Они также призвали покончить с практикой «две школы под одной крышей», которая сохраняется вопреки решению Федеративного Конституционного суда в двух из десяти кантонов ФБиГ со смешанным населением. Подобные школы зачастую имеют различные входы для боснийских и хорватских детей, разделенный на две части двор и, конечно, отдельные классы. Мера, которая

⁴¹ В Сараево прошел первый в истории гей-парад // DW.com. 08.09.2019. Доступ: <https://www.dw.com/ru/v-saraevo-proшел-первый-v-истории-гей-прайд/a-50348826> (дата обращения: 25.12.2020).

была решением проблемы в первые годы после боснийской войны, сегодня способствует закреплению дуальной, сегрегированной образовательной системы⁴².

В докладе подчеркивалось, что ЕС оказал БиГ значительную поддержку в *управлении миграцией* и в настоящее время призывает власти страны срочно принять все необходимые меры для предотвращения развития гуманитарного кризиса, обеспечив эффективный пограничный контроль и отстроив эффективную систему предоставления основных услуг просителям убежища и беженцам.

Однако за этими общими фразами скрывается серьезная проблема: выделяемые Евросоюзом деньги и гипотетическая возможность приблизить вступление в европейскую семью не могут компенсировать одной из беднейших республик бывшей Югославии издержки ее превращения в фильтрационный лагерь для ненужных «Большому брату» мигрантов.

По официальным данным, с начала 2020 г. в БиГ было зафиксировано свыше 10 тыс. нелегальных мигрантов из стран Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА). Наибольшая их концентрация отмечается на боснийско-сербской границе по реке Дрине и на боснийско-хорватской границе в Унско-Санском кантоне (округе)⁴³. Особую озабоченность у экспертов в области безопасности вызывает факт присутствия среди нелегалов представителей радикальных исламистских организаций, своеобразного кадрового резерва «спящих» террористических ячеек Европы⁴⁴.

Следует отметить, что БиГ не сразу превратилась в центр «передержки» мигрантов из БВСА. В 2015 г., в самом начале миграционного кризиса, «балканский маршрут» предполагал проникновение в ЕС через Сербию и Венгрию либо через Хорватию и Словению. Тогда боснийцы шутили, что уровень жизни в их стране настолько низок, что отпугивает даже сирийских беженцев. Но после того как в 2015–2016 гг. венгры и хорваты фактически закрыли свои границы

⁴² Bosnia and Herzegovina 2020 Report. Brussels. 06.10.2020 SWD (2020) 350 final. P. 25.

⁴³ В Совете Европы власти Боснии призвали улучшить условия жизни мигрантов // Рамблер. 12.12.2020. Доступ: https://news.rambler.ru/disasters/45423873/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&Kfutm_source=copylink (дата обращения: 25.12.2020).

⁴⁴ Борисов А. Боснию превращают в европейский центр для мигрантов // Российская газета. 12.08.2018. Доступ: <https://rg.ru/2018/08/12/bosniuu-prevrashchaitv-evropejskij-centr-dlia-migrantov.html> (дата обращения: 25.12.2020).

с Сербией, а македонцы — с Грецией, смеяться в Сараеве перестали. Босния и Герцеговина стала частью обновленного «балканского маршрута» и с учетом позиции ближайших стран-соседей рискует превратиться из транзитной страны в место долгосрочного пребывания мигрантов.

Миграционная проблематика сталкивает этнополитические элиты БиГ, что чревато снижением самоуправляемости государства, руководство которым призваны осуществлять трое: серб, хорват и бошняк. Если РС выступает категорически против размещения беженцев в своей зоне ответственности, то Сараево демонстрирует лояльность ЕС, и ФБиГ мигрантов принимает. При этом сложившаяся ситуация используется ПДД во внутривнутриполитической борьбе: ратую за равномерное распределение приезжих по всей территории БиГ, партия также призывает к укреплению границы между РС и Сербией, пытаясь под шумок миграционного кризиса взять сербский энтитет под свой контроль. Одновременно решается задача демонизации администрации РС, которая представляется стороной, не способной к конструктивному диалогу ради «общего будущего» и препятствующей интеграции БиГ в прогрессивные международные образования.

В отношении соответствия *экономическим критериям* Еврокомиссия признала, что БиГ добилась ограниченного прогресса и находится на ранней стадии становления функционирующей рыночной экономики. Республика смогла извлечь выгоду из высокого внутреннего спроса, отражающего значительный приток денежных переводов рабочих, и низкой инфляции. Финансовый сектор оставался довольно стабильным, кредитование увеличивалось, в то время как безработица снижалась, частично по причине оттока рабочей силы. Однако последствия COVID-19 привели к резкому падению экономической активности и заметному ухудшению ситуации на рынке труда.

В докладе подчеркивалось, что многое требуется сделать для ускорения реализации инициатив, находящихся в списке проектов взаимного интереса (Projects of mutual interest, PMI) Энергетического сообщества ЕС, в частности для подготовки проектной документации по строительству газопровода, связывающего Хорватию и БиГ (Загвозд — Посушье — Новый Травник с ответвлением для Мостара)⁴⁵.

⁴⁵ Bosnia and Herzegovina 2020 Report. Brussels. 06.10.2020 SWD (2020) 350 final. P. 94.

Отметим, что в 2019 г. руководство РС и компания «Газпром» договорились о проведении газа в этот государствообразующий субъект БиГ. Предполагалось, что РС станет получать газ по специальной ветке «Турецкого потока». Строительство соединительного участка от «Турецкого потока» (Сербия) до РС увязывалось по срокам со строительством автотрассы Белград–Баня-Лука⁴⁶. При этом уже на первой стадии обсуждения внутри БиГ достигнутая М. Додиком договоренность о газификации Россией территории РС вызвала резко негативную реакцию другого члена Президиума — представителя бошняков Ш. Джаферовича, заявившего: «Соглашение, достигнутое Председателем Президиума Боснии и Герцеговины Милорадом Додиком во время визита в Российскую Федерацию, не было согласовано в Президиуме и поэтому не отражает официальную позицию нашей страны <...>. Проблема газа и подключения к международным газовым потокам находится в исключительной компетенции государства Боснии и Герцеговины. Следовательно, необходимо принять закон на государственном уровне и создать независимого государственного оператора»⁴⁷. Суть высказанных претензий понятна, но на практике альтернативы у М. Додика не было. Если реализовать проект на уровне БиГ априори не получится в силу расхождений во взглядах трех членов президиума на его целесообразность, то остается ограничить его рамками собственного энтитета.

Авторы доклада позитивно оценили степень участия БиГ в *региональном сотрудничестве* и ее готовность поддерживать добрососедские отношения. Отмечался конструктивный характер рассмотрения президентством БиГ вопросов, связанных с Общей внешней политикой и политикой безопасности ЕС.

В заключение Еврокомиссия признала, что БиГ в целом дошла до определенного уровня готовности брать на себя обязательства членства в Евросоюзе, однако требуется значительно ускорить процесс приведения законодательства в соответствие с правом ЕС.

⁴⁶ Строительство ветки «Турецкого потока» к Республике Сербской начнется в 2020 году // ТАСС. 09.10.2019. Доступ: <https://tass.ru/ekonomika/6973181> (дата обращения: 25.12.2020).

⁴⁷ Цит. по: Топоров А. Противостояние в Боснии. «НАТО раздора» // Балканист. 13.06.2019. Доступ: <https://balkanist.ru/protivostoyanie-v-bosnii-nato-razdora/> (дата обращения: 25.12.2020).

Обобщая сказанное, мы можем констатировать: через весь доклад Еврокомиссии о степени близости БиГ к вступлению в ЕС красной нитью проводится мысль о меньшей поддержке данного проекта Республикой Сербской и неустранимости чинимых ею препятствий в условиях сохранения дейтонской структуры государственного управления.

То, на что аккуратно намекают авторы доклады, прямо обозначается в отчете Высокого представителя по выполнению Мирного соглашения по Боснии и Герцеговине Валентина Инцко от 21 октября 2020 г.: «Возглавляемые СНСД власти Республики Сербской настойчиво призывают к сворачиванию прежних реформ и восстановлению “первоначального Дейтона”, одновременно усиливая свои негативные высказывания в отношении Организации Североатлантического договора и Европейского союза и угрожая заблокировать реформы и другие связанные с присоединением мероприятия, необходимые для того, чтобы Босния и Герцеговина могла продвигаться вперед по своему евроатлантическому пути»⁴⁸.

Столь прямолинейное и грубое навязывание своей точки зрения, подчеркивание значимости не европейского, но евроатлантического пути вызывают у сербов БиГ реакцию защитного национализма. Тот факт, что обладание чрезвычайными «боннскими полномочиями» оборачивается непропорциональным возрастанием «роли личности в истории» в лице ВП, заставляет сомневаться в целесообразности сохранения данного института.

Можно согласиться с П.Е. Канделем в том, что в своей заботе о функциональности БиГ Брюссель демонстрирует двойные стандарты: «...основной помехой видится существование РС, но обычно обходится стороной крайне громоздкая и дорогостоящая трехуровневая организация власти в Федерации БиГ, разделенной на 10 кантонов и 79 общин, в отличие от двухуровневой — в РС, разделенной на 62 общины» [Кандель, 2011: 79].

БиГ изначально была искусственным образованием в составе СФРЮ, и природа ее мало изменилась с заключением Дейтонских соглашений. Соответственно с учетом всех исторических аспектов

⁴⁸ S/2020/1052 Приложение. Письмо Высокого представителя в Боснии и Герцеговине от 21 октября 2020 года на имя Генерального секретаря // ООН. Доступ: <https://undocs.org/ru/S/2020/1052> (дата обращения: 25.12.2020).

было бы крайне наивно предполагать, что боснийские сербы проявят заинтересованность в сохранении навязанного им государства.

С большей вероятностью сработает механизм, четко сформулированный американским исследователем, автором книги «Патрональная политика: динамика режимов Евразии в сравнительной перспективе» Генри Хейлом: при совпадении административных границ субъектов федерации с границами этнического расселения политические лидеры энтитетов с готовностью разыграют этническую карту в случае возникновения кризисной ситуации [Hale, 2004]. Обращение к примордиальной идентичности всегда было прекрасным средством мобилизации поверх любых социальных границ и соответственно эффективным инструментом политической борьбы. Успешные консоциативные отношения, как справедливо отмечали британские исследователи Джон МакГэрри и Брендан О'Лири, всё же возможны при наличии этноконфессиональных размежеваний, но лишь в том случае, если ни одна из сторон не стремится к ассимиляции другой [McGarry, O'Leary, 1993]. С учетом нацеленности боснийской элиты на унитаризацию страны под лозунгом превращения ее в функциональное и пригодное к евроинтеграции государство этносепаратистские настроения в РС не должны вызывать удивления. И по иронии судьбы сербы БиГ проявляют большую заинтересованность в достижении позитивного суверенитета для гипотетического административно-территориального образования, которое объединило бы всё сербское сообщество бывшей Югославии с учетом реалий его расселения, чем Белград. В данном контексте уместно вспомнить метафору норвежского слависта Пола Колсто, назвавшего РС примером политического проекта внутри другого, выстроенного по типу «матрешки», где внутренний сегмент прилагает все усилия, чтобы из «матрешки» выйти [Kolstø, Jelovica, 2014: 242].

У проевропейски настроенных элит ФБиГ запроса на достижение какой-либо мирополитической субъектности страны нет. Неспособность и, что даже более важно, отсутствие политической воли самостоятельно противостоять давлению извне сводят весь имеющийся репертуар проявлений этой субъектности к выбору оптимальной стратегии примыкания, в терминах теории баланса интересов Р. Швеллера [Schweller, 1994]. В отсутствие реальной внешней угрозы интеграционное примыкание мотивируется преследованием внутренних — чаще всего экономических, но не только — интересов.

Как справедливо отмечает К.Г. Энтина, «Брюссель стремился обеспечить собственную программу путем построения “сообщества безопасности” в регионе через его европеизацию. Однако неучтенные Брюсселем особенности постконфликтного примирения и государственного строительства стран региона, выбор соревновательного трека интеграции (принцип “регаты”) повлекли за собой торможение интеграционных процессов. Применение одинаковых механизмов европеизации к государствам с принципиально разной внутренней спецификой показало свою низкую эффективность» [Энтина, 2020: 8]. Очевидно, что если давление со стороны ЕС и аппарата ВП усилится, то Баян-Лука поставит вопрос об объединении РС с Сербией.

Однако повторения «казуса Крыма» ожидать не приходится. Те, кто стоит у власти в Белграде, менее всего стремятся к воссозданию Великой Сербии. Эта мечта умерла вместе со Слободаном Милошевичем. Сербия при президенте Александре Вучиче начала дрейф в сторону Запада, причем в его американском, а не европейском воплощении. Маркерами этого процесса стали подписание Брюссельского соглашения (2013)⁴⁹, на основании которого руководство страны установило границу на собственной территории, отделив Косово от остальной Сербии, а также заключение Вашингтонского соглашения (2020)⁵⁰ и соответствующее обязательство А. Вучича не возражать по прошествии года против вступления Косова в международные организации (включая ООН). Согласие на нормализацию экономического сотрудничества с Приштиной можно расценивать как уступку Белграда Западу, при этом формально в *двустороннем* соглашении Белграда и Вашингтона Косово не было признано независимым. В итоге в борьбе за право стать основным посредником в разрешении косовского вопроса Вашингтон перехватил инициативу у ЕС.

Представляется, что ситуация, сложившаяся вокруг подписания Вашингтонских соглашений, хорошо иллюстрирует пределы евроатлантического единства. И Евросоюз, оказывая давление на сербскую

⁴⁹ Brussels Agreement. First agreement of principles governing the normalization of relations // The Government of the Republic of Serbia. 2013. Available at: <https://www.srbija.gov.rs/cinjenice/en/120394> (accessed: 25.12.2020).

⁵⁰ Agreement on normalization of economic relations between Belgrade, Pristina signed // The Government of the Republic of Serbia. Belgrade/Washington. 04.09.2020. Available at: <https://www.srbija.gov.rs/vest/en/160635/agreement-on-normalisation-of-economic-relations-between-belgrade-pristina-signed.php> (accessed: 25.12.2020).

общину БиГ, актуализируя сценарий распада страны вследствие мобилизации защитного национализма сербской общины, уже сейчас должен задуматься о том, кто в конечном счете воспользуется плодами его политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Березин А.В. Политика Европейского союза на начальном этапе Югославского кризиса: 1990–1992 гг.: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М., 2009.
2. Буланникова Ю.А. Процесс интеграции стран Западных Балкан в Евросоюз // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 2. С. 311–318.
3. Буланникова Ю.А. Стратегия интеграции балканских государств в ЕС и НАТО: сравнительный анализ: 1989–2007 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2011.
4. Волков В.К. «Новый мировой порядок» и балканский кризис 90-х годов // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 11–50.
5. Глушко В.С. Политика Европейского союза в отношении Югославского кризиса (1991–1995): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002.
6. Глушко В.С. Политика ЕС и США в урегулировании балканского кризиса в рамках подготовки Дейтонского соглашения 1995 г. // Электронный научный журнал УРФУ. 2016. Доступ: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/43622/1/im-14-9-2016.pdf> (дата обращения: 25.12.2020).
7. Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000 гг.). М.: Русское право, 2001.
8. Европейский союз на перепутье: нерешенные проблемы и новые вызовы (политические аспекты) / Под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева. М.: ИМЭМО РАН, 2016.
9. Кандель П.Е. Босния и Герцеговина, ЕС и НАТО // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1 (16). С. 77–86.
10. Кондратьев С.В., Нелаева Г.А. Особенности взаимодействия Европейского союза и Боснии и Герцеговины // Современная Европа. 2015. № 5. С. 28–35.
11. Лазович М. Роль ЕС в боснийском кризисе (середина 1990-х гг. — н.в.) и современное состояние отношений БиГ с ЕС в контексте боснийского урегулирования // РСМД. 20.05.2018. Доступ: <https://russiancouncil.ru/blogs/milan-lazovich/34185/> (дата обращения: 25.12.2020).
12. Мартынова М.Ю. Балканский кризис: народы и политика. М.: Старый сад, 1998.
13. Младенович М., Пономарева Е. Урегулирование этнополитических конфликтов: балканский опыт // Международная жизнь. 2012. № 5. С. 117–132.

14. Никифоров К.В. Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М.: Институт славяноведения РАН, 1999.
15. Пономарева Е.Г. Новые государства на Балканах. М.: МГИМО-Университет, 2010.
16. Пономарева Е.Г. Политическое развитие постъюгославского пространства (внутренние и внешние факторы). М.: МГИМО-Университет, 2007.
17. Пономарева Е.Г. Узлы и модели балканских этнополитических конфликтов // Пути к миру и безопасности. 2012. № 1 (42). С. 60–75.
18. Тузовская Ю.Н. Пределы стратегического партнерства ЕС и НАТО // Актуальные проблемы Европы. 2010. № 3. С. 63–99.
19. Тягуненко Л.В. Природа Югославского кризиса // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 28–45.
20. Энтина Е.Г. Международный контекст евроинтеграции Западных Балкан. М.: Институт Европы РАН, 2016.
21. Энтина К.Г. Особенности и пределы интеграционной политики ЕС в Юго-Восточной Европе (на примере государств постъюгославского пространства): Дисс. ... д-ра полит. наук. М., 2020.
22. Baskin M. Between exit and engagement: On the division of authority in transitional administrations // *Global Governance*. 2004. Vol. 119. No. 10. P. 119–137.
23. Bennet C. Yugoslavia's bloody collapse. London: Hurst, 1995.
24. Bildt C. Peace journey: The struggle for peace in Bosnia. London: Weidenfeld and Nicolson, 1998.
25. Chandler D. Bosnia: Faking democracy after Dayton. London: Pluto Press, 2000.
26. Chandler D. Democratization in Bosnia: The limits of civil society building strategies // *Civil society in democratization* / Ed. by P.J. Burnell, P. Calvert. London, Portland: Taylor & Francis, 1998.
27. Constitutional change in the EU: From uniformity to flexibility? / Ed. by G. de Búrca, J. Scott. Oxford: Hart Publishing, 2000.
28. Donia R.J., Fine Jr. Bosnia and Hercegovina: A tradition betrayed. New York: Columbia University Press, 1994.
29. Dopita T. (Inter)National reconstruction: Revising poststructuralist encounters with the war in Bosnia and Herzegovina // *New Perspectives*. 2020. No. 2. Vol. 23. P. 17–48. DOI: 10.1177/2336825X1502300202.
30. Ehrhart H.-G. Prevention and regional security: The Royaumont process and the stabilization of South-Eastern Europe // *OSCE Yearbook 1998*. Baden-Baden, 1999. P. 327–346.
31. Gutman R. A witness to genocide: The first inside account of the horrors of 'ethnic cleansing' in Bosnia. Massachusetts: Elements, 1993.

32. Hale H. Divided we stand: Institutional sources of ethno-federal state survival and collapse // *World Politics*. 2004. No. 2. P. 165–193.

33. Hansen L. Security as practice: Discourse analysis and the Bosnian war. New York: Routledge, 2006.

34. Hendrickson R.C. Crossing the Rubicon // *NATO Review*. 01.09.2005. Available at: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2005/09/01/crossing-the-rubicon/index.html> (accessed: 25.12.2020).

35. Jackson R.H. Quasi states: Sovereignty, international relations and the Third World. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

36. Kapiđžić D. International role of the European Union in the Western Balkans? Measuring consistency and coherence of value expression in the EU's external relations // *Croatian International Relations Review*. 2011. Vol. 17. No. 62/63. P. 10–17.

37. Kaplan R.D. Balkan ghost: A journey through history. New York: Vintage, 1993.

38. Kolstø P., Jelovica V. Conclusions: Success and failure of nation-building. Structural vs. political factors // *Strategies of symbolic nation-building in South Eastern Europe* / Ed. by Kolstø P. Farnham: Ashgate, 2014. P. 227–242.

39. Marshall C.B. The exercise of sovereignty. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1965.

40. McGarry J., O'Leary B. Introduction: The macro-political regulation of ethnic conflict // *The politics of ethnic conflict regulation: Case studies of protracted ethnic conflicts* / Ed. by J. McGarry, B. O'Leary. New York: Routledge, 1993.

41. Pejanović M. The political development of Bosnia and Herzegovina in the post-Dayton period. Sarajevo: TKD Šahinpašić, 2007.

42. Rief D. Slaughterhouse: Bosnia and the failure of the West. New York: Touchstone, 1996.

43. Schweller R. Bandwagoning for profit: Bringing the revisionist state back in // *International Security*. 1994. Vol. 19. No. 1. P. 72–107.

44. Smith C. Conflict in the Balkans and the possibility of European Union Common Foreign and Security Policy // *International Relations*. 1996. Vol. 13. No. 2. P. 1–21.

45. Spence A., Spence D. The Common Foreign and Security Policy from Maastricht to Amsterdam // *Foreign and security policy in the European Union* / Ed. by K.A. Eliassen. London: Sage Publications, 1998. P. 43–58.

46. Welcome to the desert of post-socialism: Radical politics after Yugoslavia / Ed. by S. Horvat, I. Stiks. New York: Verso, 2015.

47. Woodward S. Balkan tragedy: Chaos and dissolution after Cold War. Washington. 1995.

A.M. Ponamareva

**EUROINTEGRATION AS A TRIGGER
FOR THE SERBIAN ETHNIC SEPARATISM
IN BOSNIA AND HERZEGOVINA**

*The Institute of Scientific Information for Social Sciences,
The Russian Academy of Sciences
Kryzhanovsky st. 15/2, Moscow, 117218*

The paper provides a retrospective analysis of the European Union's policy towards Bosnia and Herzegovina (BiH) and its possible outcomes for BiH progress towards positive sovereignty amid growing international tensions in the Western Balkans. The paper draws on a vast body of both Russian and Western academic literature on the collapse of Yugoslavia, BiH under the Dayton Agreements, the possibilities of democracy building in divided societies, as well as on a range of official documents adopted by various EU institutions. On that basis the author assesses the prospects for BiH to survive in its current administrative-territorial borders. The paper examines the outcomes of the Bosnian War, as well as the main effects of the external governance mechanisms implementation in BiH. This allows the author to trace the evolution of the EU policy towards BiH and to reassess the country's progress in terms of Eurointegration. Since the EU has refused to grant countries, which do not meet the Copenhagen criteria, the status of a member state 'in advance', the main conclusions on the prospects of the BiH accession to the EU are drawn from the European Commission's 2020 Report on Bosnia and Herzegovina.

Following the logic and the structure of the report, the author assesses the BiH efforts to meet the set targets and criteria, such as establishing a stable democratic political system, promoting the development of civil society institutions and the rule of law, combating corruption and organized crime, ensuring the protection of human rights and freedoms, migration management, strengthening economy and regional cooperation.

The report of the European Commission clearly hints that most obstacles for BiH progress towards EU membership arise from the lack of support from the Republika Srpska and that it is impossible to overcome its obstruction within the framework of Dayton Agreements. However, the author argues that this fixation on revision of the Dayton Agreements, accompanied by excessive pressure on the Serbian community in BiH may provoke protective reaction of the Serbian community, resulting in a rising nationalism and disintegration of Bosnia and Herzegovina.

Keywords: Bosnia and Herzegovina, Republika Srpska, Federation of Bosnia and Herzegovina, the European Union, NATO, the Balkans, European integration, positive sovereignty, Serbian nationalism, Yugoslavia.

About the author: *Anastasiya M. Ponamareva* — PhD (Sociology), Head of the Department of the European Security Problems of the Centre for Academic Research and Informational Studies on Global and Regional Issues, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (e-mail: amp1982@mail.ru).

Acknowledgements: The research has been accomplished with a financial support from the Russian Foundation for Basic Research, project № 19-011-00662.

REFERENCES

1. Berezin A.V. 2009. *Politika Evropeiskogo soyuza na nachal'nom etape Yugoslavskogo krizisa: 1990–1992 gg.* [European Union's policy at the initial stage of the Yugoslav crisis: 1990–1992]. PhD thesis abstract. Moscow. (In Russ.)
2. Bulannikova Yu.A. 2010. Protsess integratsii stran Zapadnykh Balkan v Evrosoyuz [The process of integrating the Western Balkan countries into the EU]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 2, pp. 311–318. (In Russ.)
3. Bulannikova Yu.A. 2011. *Strategiya integratsii balkanskikh gosudarstv v ES i NATO: sravnitel'nyi analiz: 1989–2007 gg.* [The strategy for the integration of the Balkan states into the EU and NATO: A comparative analysis: 1989–2007]. PhD thesis abstract. Moscow. (In Russ.)
4. Volkov V.K. 2002. 'Novyi mirovoi poryadok' i balkanskii krizis 90-kh godov ['New world order' and the Balkan crisis of the 90s]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 2, pp. 11–50. (In Russ.)
5. Glushko V.S. 2002. *Politika Evropeiskogo soyuza v otnoshenii Yugoslavskogo krizisa (1991–1995)* [European Union's policy with regard to the Yugoslav crisis (1991–1995)]. PhD thesis abstract. Ekaterinburg. (In Russ.)
6. Glushko V.S. 2016. *Politika ES i SShA v uregulirovanii balkanskogo krizisa v ramkakh podgotovki Deitonskogo soglasheniya 1995 g.* [EU and USA policy towards the settlement of the Balkan crisis in the framework of the Dayton peace agreement preparation, 1995]. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal URFU*. Available at: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/43622/1/im-14-9-2016.pdf> (accessed: 25.12.2020). (In Russ.)
7. Gus'kova E.Yu. 2001. *Istoriya yugoslavskogo krizisa (1990–2000 gg.)* [The history of the Yugoslav crisis (1990–2000)]. Moscow, Russkoe pravo Publ. (In Russ.)
8. Arbatova N.K., Kokeev A.M. (eds.). 2016. *Evropeiskii soyuz na pereput'e: nereshennyye problemy i novye vyzovy (politicheskie aspekty)* [European Union at the crossroads: Unresolved problems and new challenges]. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.)
9. Kandel' P.E. 2011. *Bosniya i Gertsegovina, ES i NATO* [Bosnia and Herzegovina. EU and NATO]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 1 (16), pp. 77–86. (In Russ.)

10. Kondrat'ev S.V., Nelaeva G.A. 2015. Osobennosti vzaimodeistviya Evropeiskogo soyuza i Bosnii i Gertsegoviny [The EU-Bosnia relations in the context of the EU enlargement to the Balkans]. *Contemporary Europe*, no. 5, pp. 28–35. (In Russ.)

11. Lazovich M. 2018. Rol' ES v bosniiskom krizise (seredina 1990-kh gg. — n.v.) i sovremennoe sostoyanie otnoshenii BiG s ES v kontekste bosniiskogo uregulirovaniya [The role of the EU in the Bosnian Crisis (from the middle of 1990s till nowadays) and the current state of relations between BiH and the EU in the context of the Bosnian settlement]. *Russian International Affairs Council*. Available at: <https://russiancouncil.ru/blogs/milan-lazovich/34185/> (accessed: 25.12.2020). (In Russ.)

12. Martynova M.Yu. 1998. *Balkanskii krizis: narody i politika* [The Balkan crisis: Peoples and politics]. Moscow, Staryi sad Publ. (In Russ.)

13. Mladenovich M., Ponomareva E. 2012. Uregulirovanie etnopoliticheskikh konfliktov: balkanskii opyt [Ethnic and political conflicts resolution: The Balkan experience]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, no. 5, pp. 117–132. (In Russ.)

14. Nikiforov K.V. 1999. *Mezhdru Kremlem i Respublikoi Serbskoi (Bosniiskii krizis: zavershayushchii etap)* [Between the Kremlin and the Republika Srpska (Bosnian crisis: The final stage)]. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN Publ. (In Russ.)

15. Ponomareva E.G. 2010. *Novye gosudarstva na Balkanakh* [New states in the Balkans]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ. (In Russ.)

16. Ponomareva E.G. 2007. *Politicheskoe razvitie post'yugoslavskogo prostranstva (vnutrennie i vneshnie faktory)* [Political development of the post-Yugoslavian space (internal and external factors)]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ. (In Russ.)

17. Ponomareva E.G. 2012. Uzly i modeli balkanskikh etnopoliticheskikh konfliktov [The nodes and models of conflicts in the Balkans]. *Puti k miru i bezopasnosti*, no. 1 (42), pp. 60–75. (In Russ.)

18. Tuzovskaya Yu.N. 2010. Predely strategicheskogo partnerstva ES i NATO [The limits of the EU-NATO strategic partnership]. *Aktual'nye problemy Evropy*, no. 3, pp. 63–99. (In Russ.)

19. Tyagunenko L.V. 2001. Priroda Yugoslavskogo krizisa [The nature of the Yugoslav crisis]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 3, pp. 28–45. (In Russ.)

20. Entina E.G. 2016. *Mezhdunarodnyi kontekst evrointegratsii Zapadnykh Balkan* [European integration of the Western Balkans: International Background]. Moscow, Institut Evropy RAN Publ. (In Russ.)

21. Entina K.G. 2020. *Osobennosti i predely integratsionnoi politiki ES v Yugo-Vostochnoi Evrope (na primere gosudarstv post'yugoslavskogo prostranstva)* [Specifics and limits of the EU integration policy in South-Eastern Europe (on the example of the post-Yugoslavian states)]. Doctor of Sciences thesis. Moscow. (In Russ.)

22. Baskin M. 2004. Between exit and engagement: On the division of authority in transitional administrations. *Global Governance*, vol. 119, no. 10, pp. 119–137.

23. Bennet C. 1995. *Yugoslavia's bloody collapse*. London, Hurst.
24. Bildt C. 1998. *Peace journey: The struggle for peace in Bosnia*. London, Weidenfeld and Nicolson.
25. Chandler D. 2000. *Bosnia: Faking democracy after Dayton*. London, Pluto Press.
26. Chandler D. 1998. Democratization in Bosnia: The limits of civil society building strategies. In Burnell P.J., Calvert P. (eds.). *Civil society in democratization*. London, Portland, Taylor & Francis.
27. Búrca G. de, Scott J. (eds.). 2000. *Constitutional change in the EU: From uniformity to flexibility?* Oxford, Hart Publishing.
28. Donia R.J., Fine Jr. 1994. *Bosnia and Hercegovina: A tradition betrayed*. New York, Columbia University Press.
29. Dopita T. 2020. (Inter)National reconstruction: Revising poststructuralist encounters with the war in Bosnia and Herzegovina. *New perspectives*, no. 2, vol. 23, pp. 17–48. DOI: 10.1177/2336825X1502300202.
30. Ehrhart H.-G. 1999. Prevention and regional security: The Royaumont process and the stabilization of South-Eastern Europe. *OSCE Yearbook 1998*. Baden-Baden, pp. 327–346.
31. Gutman R. 1993. *A witness to genocide: The first inside account of the horrors of 'ethnic cleansing' in Bosnia*. Massachusetts, Elements.
32. Hale H. 2004. Divided we stand: Institutional sources of ethno-federal state survival and collapse. *World Politics*, vol. 2, pp. 165–193.
33. Hansen L. 2006. *Security as practice: Discourse analysis and the Bosnian war*. New York, Routledge.
34. Hendrickson R.C. 2005. Crossing the Rubicon. *NATO Review*. Available at: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2005/09/01/crossing-the-rubicon/index.html> (accessed: 25.12.2020).
35. Jackson R.H. 1990. *Quasi states: Sovereignty, international relations and the Third World*. Cambridge, Cambridge University Press.
36. Kapidžić D. 2011. International role of the European Union in the Western Balkans? Measuring consistency and coherence of value expression in the EU's external relations. *Croatian International Relations Review*, vol. 17, no. 62/63, pp. 10–17.
37. Kaplan R.D. 1993. *Balkan ghost: A journey through history*. New York, Vintage.
38. Kolstø P., Jelovica V. 2014. Conclusions: Success and failure of nation-building. Structural vs. political factors. In P. Kolstø (ed.). *Strategies of symbolic nation-building in South Eastern Europe*. Farnham, Ashgate, pp. 227–242.
39. Marshall C.B. 1965. *The exercise of sovereignty*. Baltimore, Johns Hopkins Press.
40. McGarry J., O'Leary B. 1993. Introduction: The macro-political regulation of ethnic conflict. In McGarry J., O'Leary B. (eds.). *The politics of ethnic conflict regulation: Case studies of protracted ethnic conflicts*. New York, Routledge.

41. Pejanović M. 2007. *The political development of Bosnia and Herzegovina in the post-Dayton period*. Sarajevo, TKD Šahinpašić.
42. Rief D. 1996. *Slaughterhouse: Bosnia and the failure of the West*. New York, Touchstone.
43. Schweller R. 1994. Bandwagoning for profit: Bringing the revisionist state back in. *International Security*, vol. 19, no. 1, pp. 72–107.
44. Smith C. 1996. Conflict in the Balkans and the possibility of European Union Common Foreign and Security Policy. *International Relations*, vol. 13, no. 2, pp. 1–21.
45. Spence A., Spence D. 1998. The Common Foreign and Security Policy from Maastricht to Amsterdam. In Eliassen K.A. (ed.). *Foreign and security policy in the European Union*. London, Sage Publications, pp. 43–58.
46. Horvat S., Stiks I. (eds.). 2015. *Welcome to the desert of post-socialism: Radical politics after Yugoslavia*. New York, Verso.
47. Woodward S. 1995. *Balkan tragedy: Chaos and dissolution after Cold War*. Washington.